

best
book
ever

СКОТТ ХОКИНС

* * *

БИБЛИОТЕКА
НА ОБУТЛЕННОЙ
ГОРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44
X70

Серия «Best book ever»

Scott Hawkins
THE LIBRARY AT MOUNT CHAR

Перевод с английского *К. Егоровой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Synopsis Literary Agency.

Хокинс, Скотт.

X70 Библиотека на Обугленной горе : [роман] / Скотт Хокинс; пер. с англ. К. Егоровой. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 512 с. — (Best book ever).

ISBN 978-5-17-090959-9

А вам никогда не хотелось владеть миром? То есть всем миром: людьми, животными, городами и континентами, планетами и звездами?

Человек, которого мы привыкли называть Отцом (хотя это не так) собрал нас, дюжину брошенных детей, и каждого наделил знанием, ведущим к могуществу.

Так, например, Майкл понимает языки всех животных, рыб и насекомых, какие только водятся на Земле, а Маргарет на короткой ноге со всеми мертвецами, когда-либо отошедшими в мир иной. Я же... что ж, мое умение — самое скромное. Я — неприметный ключик к могуществу среди остальных одиннадцати ключей.

Но, сдаётся мне, пришла пора рискнуть всем и занять место единственной и неповторимой Владычицы Мира.

Для этого придется убить Отца и нейтрализовать моих «братьев и сестер». Я смогу. Я справлюсь. Иного выхода у меня просто нет.

И если нужно слегка потормозить планету и разнести в клочья Америку — почему нет? Ведь хуже того ада, в котором я сейчас живу, невозможно представить.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

© Scott Hawkins, 2015

© Перевод. К. Егорова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть I

Библиотека в Гаррисон-Оукс

Глава 1

РАССВЕТ

i

КЭРОЛИН, ОКРОВАВЛЕННАЯ И БОСАЯ, шла по двухполосной гудроновой дороге, которую американцы называли шоссе 78. Большинство библиотекарей, включая саму Кэролин, думали о ней как о Пути тако, в честь мексиканской закуской, куда они время от времени выбирались. *Отличный гуакамоле*, вспомнила она. В животе заурчало. Дубовые листья, красновато-оранжевые и замечательно хрустящие, шелестели под ногами. Дыхание вырывалось белым облачком в предрассветный воздух. Обсидиановый нож, которым Кэролин убила детектива Майнера, утнездился у нее на поясице, тайный и острый.

Кэролин улыбалась.

Машины хоть и редко, но все же проезжали по этой дороге — за ночь она видела пять. Затормозивший сейчас «Форд

F-250» был третьей из тех, что приостанавливали свой бег, чтобы полюбопытствовать. Под треск гравия автомобиль остановился у противоположной обочины и с урчанием замер. Открылось окно, и Кэролин почувствовала запах жевательного табака, старого масла и сена. За рулем сидел седой мужчина. Рядом с ним на пассажирском сиденье устроилась немецкая овчарка, с подозрением смотревшая на Кэролин.

Черт побери этих добрых самаритян!

— Господи, — сказал старик. — Вы попали в аварию?

В его голосе звучала тревога — искренняя, а не хищно-фальшивая, как у предыдущего мужчины. Кэролин поняла, что старик отнесся к ней как к дочери. И немного расслабилась.

— Нет, — ответила она, разглядывая собаку. — Ничего такого. Неприятности на конюшне. С одной из лошадей. — Не было никакой конюшни, никакой лошади. Но по запаху Кэролин догадалась, что старик любит животных и знает, что в обращении с ними иногда без крови не обойтись. — Тяжелые роды, для меня и для нее. — Она печально улыбнулась и показала на свое платье: зеленый шелк почернел и стал жестким от крови детектива Майнера. — Платье погибло.

— Попробуй шипучку, — иронично прищурившись, посоветовал старик. Собака заворчала. — Тихо, Бадди.

Кэролин не знала, что он имеет в виду под «шипучкой», но судя по тону, это была шутка. Не из тех, над которыми хохочут, а сочувственная. Она фыркнула:

— Обязательно.

— Лошадь в порядке? — Вновь искренняя тревога.

— Да, с ней все хорошо. И с жеребенком тоже. Однако ночь выдалась хлопотная. Я решила прогуляться, чтобы слегка проветрить голову.

— Босиком?

Она пожала плечами.

— Мы люди крепкие.

Это была правда.

— Подбросить?

— Спасибо, не нужно. Мой Отец живет в той стороне, недалеко.

Тоже правда.

— Возле почты?

— В Гаррисон-Оукс.

На мгновение глаза старика остекленели, он пытался вспомнить, где слышал это название. Немного подумал, потом сдался. Кэролин могла бы сказать ему, что даже если бы он проезжал Гаррисон-Оукс по четыре раза в день на протяжении тысячи лет, все равно бы не запомнил, но промолчала.

— А-а-а, — неуверенно протянул старик. — Ну да. — Он окинул ее ноги не слишком отцовским взглядом. — Уверена, что тебя не нужно подвезти? Бадди не против, правда?

Он похлопал упитанную собаку на пассажирском сиденье. Бадди продолжал изучать Кэролин жестокими, подозрительными карими глазами.

— Все в порядке. Хочу еще погулять и подышать воздухом. Но все равно спасибо.

Она изобразила на лице подобие улыбки.

— Как скажешь.

Старик включил передачу и уехал, обдав Кэролин теплым облаком дизельного выхлопа.

Она смотрела ему вслед, пока задние фонари не исчезли за поворотом. *Думаю, достаточно общения для одной ночи.* Кэролин вскарабкалась по обрыву и скрылась в лесу. Луна стояла еще высоко, круглая, полная. Голые ветки отбрасывали тени на шрамы на теле Кэролин.

Пройдя около мили, Кэролин оказалась возле полого дерева, в котором оставила свою мантию. Она отряхнула

мантию от коры и тщательно очистила. Взяла обрывок окровавленного платья для Дэвида, а остальное выбросила, потом завернулась в мантию и накинула на голову капюшон. Ей нравилось платье — шелк так приятно касался кожи, — зато грубый хлопок мантии успокаивал. Был привычным, а больше ее в одежде ничего не интересовало.

Кэролин углубилась в лес. Камни под листьями и сосновыми иглами ласкали подошвы ног, облегчали зуд, о котором она и не догадывалась. *Сразу за следующим гребнем*, подумала Кэролин. *Гаррисон-Оукс*. Она хотела бы сжечь это место дотла и в то же время желала снова его увидеть.

Дом.

ii

Кэролин и другие не родились библиотекарями. Когда-то — давным-давно — они были настоящими американцами. Она смутно помнила что-то под названием «Бионическая женщина»* и еще что-то, «Чашечки с арахисовым маслом». Но в один летний день, когда Кэролин было восемь, враги Отца нанесли удар. Отец выжил, вместе с Кэролин и несколькими детьми. Их родители — нет.

Она помнила, как голос Отца пробился сквозь черный дым, пахнувший расплавленным асфальтом; как глубокий кратер на том месте, где раньше стояли их дома, светился тускло-оранжевым за его спиной.

«Теперь вы п е л а п и , — сказал Отец. — Это старое слово. Оно означает нечто вроде библиотекаря и нечто вроде ученика. Я возьму вас в свой дом. Я воспитаю вас

---

* «Бионическая женщина» — американский телесериал, выходивший в 1976–1978 гг., а также, в новой версии, в 2007 г.

в старинных традициях, как воспитали меня. Я научу вас тому, что знаю сам».

Он не спросил, чего бы хотели они.

Кэролин не была неблагодарной и поначалу старалась как могла. Ее мама и папа погибли, умерли. Она это понимала. Отец — вот все, что у нее осталось, и сперва казалось, что он требует не слишком многого. Но жизнь в Отцовском доме была другой. Вместо конфет и телевизора — тени и древние книги, написанные вручную на толстом пергаменте. Постепенно они поняли, что Отец прожил очень долгую жизнь. Более того, за свою долгую жизнь он научился творить настоящие чудеса. Он мог вызвать молнию или остановить время. Камни обращались к нему по имени. Теория и практика этих умений были распределены по двенадцати каталогам — как позже выяснилось, точь-в-точь по одному на каждого ребенка. Отец требовал лишь одного: чтобы они прилежно учились.

Несколько недель спустя Кэролин начала понимать, что это в действительности значит. Она занималась в одной из освещенных лампами кабинок, раскиданных тут и там по нефритовому полу Библиотеки. Маргарет, которой тогда было девять, выбежала из-за высоких темных полок серого каталога. Она кричала. Ничего не видя от ужаса, она задела край стола, покатилась и замерла почти у самых ног Кэролин. Та махнула ей рукой, чтобы пряталась под стол.

Минут десять Маргарет дрожала в тених. Кэролин свистящим шепотом задавала вопросы, но она не отвечала, возможно, потому, что не была в состоянии вымолвить хоть слово. Однако слезы Маргарет были кровавыми, а когда Отец уволок ее обратно к стеллажам, она обмочилась. Лучшего ответа не требовалось. Кэролин часто думала о том, как горячая, аммиачная вонь мочи Маргарет смешивалась с пыльным запахом старых книг,

как ее крики эхом отдавались от полок. В тот самый момент она и начала понимать.

Собственный каталог Кэролин был нудным, а не пугающим. Отец велел ей изучать языки, и почти год она послушно копалась в учебниках. Но рутина вызывала у нее скуку. В первое лето обучения, когда ей было девять, она отправилась к Отцу и топнула ногой.

— Хватит! — сказала она. — Я прочла достаточно книг. Я знаю достаточно слов. Я хочу выйти наружу.

Другие дети отпрянули, увидев выражение Отцовского лица. Как и обещал, он воспитывал их тем же способом, каким когда-то воспитали его самого. Большинство — включая Кэролин — уже обзавелось несколькими шрамами.

Но хотя Отец нахмурился, на этот раз он не стал ее бить. И секунду спустя ответил:

— Да? Очень хорошо.

Он отпер главную дверь Библиотеки и впервые за долгие месяцы вывел Кэролин на солнечный свет, лившийся с голубого неба. Кэролин была рада — и возликовала еще больше, когда Отец покинул окрестности Библиотеки и направился в лес. По пути Кэролин увидела Дэвида, каталог которого имел отношение к войне и убийству: Дэвид играл ножом в поле в конце дороги. Майкл, которому предстояло стать посланцем Отца у животных, балансировал на ветке соседнего дерева, беседуя с семейством белок. Кэролин помахала обоим мальчишкам. Отец остановился на берегу маленького озера. Буквально дрожа от наслаждения, Кэролин шлепала босиком по теплой отмели и ловила в горсть головастика.

Оставшийся на берегу Отец позвал олениху Ишу, которая недавно отелилась. Иша и ее олененок по имени Аша сразу же явились. Они начали общение с клятвы верности Отцу, очень искренней и долгой. Эту часть Кэ-

ролин пропустила. Ей уже порядком надоело, что все пресмыкаются перед Отцом. Кроме того, олений язык был сложным.

Когда формальности остались позади, Отец приказал Ише обучать Кэролин вместе с олененком. Он специально подбирал короткие слова, чтобы Кэролин поняла, о чем идет речь.

Поначалу Иша не хотела этого делать. У благородных оленей есть двенадцать слов для обозначения грациозности, и ни одно из них не подходило для человеческих ног Кэролин, таких больших и неуклюжих по сравнению с изящными копытцами Аши и других оленят. Однако Иша была подданной Нобунунги, императора здешних лесов, а следовательно, и подданной Отца. Кроме того, она не была глупа. И не высказала своих возражений напрямую.

Все лето Кэролин училась вместе с благородными оленями долины. Это был последний спокойный период в ее жизни — и, возможно, самый счастливый. Под присмотром Иши она все проворнее бегала по тропинкам нижнего леса, прыгала через замшелый поваленный дуб, ловко опускалась на колени, чтобы щипать сладкий клевер и пить утреннюю росу. Со смерти матери Кэролин прошло около года. Ее единственного друга прогнали. Отец был сложным человеком и не отличался мягкостью. Поэтому когда в первую морозную ночь года Иша позвала Кэролин лечь вместе с ней и ее олененком, чтобы согреться, внутри у Кэролин что-то сломалось. Она не заплакала и никак не выказала свою слабость — это было не в ее характере, — но приняла Ишу в свое сердце, целиком и полностью.

Вскоре после этого зима объявила о своем прибытии ужасающей грозой. Кэролин нисколько не боялась таких явлений, однако Иша с Ашей вздрагивали при каждой

вспышке молнии. Теперь все трое были единой семьей. Они укрылись в буковой роще, Кэролин и Иша прижались к Аше с двух сторон, чтобы она не замерзла. Они пролежали вместе всю ночь. Кэролин чувствовала, как трепещут стройные олени тела, как они вздрагивают при каждом раскате грома. Она пыталась успокоить их лаской, но олени уклонялись от ее прикосновений. Приближался рассвет, а Кэролин оживляла в памяти Отцовские уроки в поисках слов, которые могли бы их утешить: хотя бы «не волнуйтесь», или «это скоро закончится», или «утром будет клевер».

Но Кэролин была скверной ученицей. И не могла подобрать нужных слов, как ни пыталась.

Незадолго до рассвета Кэролин ощутила, как Иша дернулась и забарабанила копытами по земле, раскидывая опавшие листья, под которыми обнажилась черная земля. Мгновение спустя дождь, омывавший тело Кэролин, стал теплым, и во рту у нее появился соленый привкус.

Сверкнула молния, и Кэролин увидела Дэвида. Он стоял на крепкой ветке в тридцати футах от нее и ухмылялся. Из его левой руки, сжатой в кулак, свисал утяжеленный конец тонкой серебристой цепочки. Сама того не желая, Кэролин в последних лучах луны проследила, куда тянется эта цепочка. И, когда вновь сверкнула молния, уставилась в безжизненные глаза Иши, насаженной вместе со своим олененком на копьё Дэвида. Кэролин протянула руку и дотронулась до бронзовой рукояти, торчавшей из тела оленихи. Металл был теплым и слегка дрожал под пальцами: это затихало доброе сердце Иши.

— Отец велел мне наблюдать и слушать, — сказал Дэвид. — Если бы ты нашла нужные слова, я оставил бы их в живых. — Он дернул цепочку, вытаскивая копьё. — Отец говорит, пора вернуться домой, — продолжил он,

сворачивая цепочку уверенными, опытными движениями. — Пришло время взяться за учебу по-настоящему.

И он исчез в буре.

Кэролин осталась одна в соленой темноте — навсегда.

iii

Сейчас, четверть века спустя, Кэролин присела на четвереньки за корнями поваленной сосны, вглядываясь в густые заросли падуба. Если повернуть голову вот так вот, можно было увидеть склон холма до самой поляны Быка. Ширина поляны составляла около двадцати футов, и на ней почти ничего не было. Только сам Бык и пирамида из гранитных глыб на могиле Маргарет. Бык, полая бронзовая статуя чуть больше натуральной величины, стоял в центре поляны. Золотистый металл мягко мерцал на солнце.

С ближайшей стороны поляну ограждали стволы кедра, среди которых пряталась Кэролин. На дальней стороне, на краю крутого обрыва, вырытого при строительстве шоссе 78, стояли Дэвид и Майкл. На противоположной стороне дороги, футах в двадцати внизу, свисал с ржавой цепи выцветший деревянный щит, отмечавший въезд в Гаррисон-Оукс. Когда налетали порывы ветра, скрип было слышно даже на вершине.

Кэролин и правда подобралась очень близко: достаточно близко, чтобы сосчитать косматые двойные косички в светлых дредах Майкла; достаточно близко, чтобы слышать жужжание мух, вившихся вокруг головы Дэвида. Дэвид коротал время, допрашивая Майкла о его путешествиях. Кэролин поморщилась. Специальностью Майкла были животные, и он, пожалуй, освоил ее чересчур хорошо. Теперь обычная человеческая речь давалась ему с трудом, даже причиняла боль — особенно

поначалу, когда он только-только возвращался из леса. Хуже того, он совсем не умел хитрить.

Прошлой ночью Фелиция появилась во снах библиотекарей и сообщила, что Дэвид велит им собраться у Быка «до заката». Это было не то же самое, что «как можно скорее», и подобное отличие мог проглядеть только Майкл. Хотя, возможно, оно и к лучшему. Дженнифер провела наедине с Дэвидом несколько недель, они вместе ждали новостей от Отца. Сейчас, пока Дэвид мучил Майкла, Дженнифер — самая маленькая и хрупкая из библиотечарей — уничтожила могилу Маргарет. Она устало бродила по поляне взад-вперед, согнувшись под тяжестью кусков гранита размером с человеческую голову, ее рыжеватые волосы пропитались потом. Хотя после долгих недель в компании Дэвида перетаскивание гранита на жарком солнце могло показаться облегчением.

Кэролин вздохнула про себя. *Наверное, следует спуститься и помочь.* Так внимание Дэвида хотя бы распределится между тремя жертвами, а не двумя.

Но Кэролин умела хитрить. Сначала она послушает.

Дэвид с Майклом смотрели на Гаррисон-Оукс. Майкл, как и его кугуары, не носил одежду. Дэвид был в бронежилете израильской армии и балетной пачке цвета лаванды, покрытой запекшейся кровью. Бронежилет принадлежал Дэvidу. Пачку он позаимствовал из гардероба сына миссис Макгилликатти. В этом была виновата Кэролин, по крайней мере отчасти.

Когда стало ясно, что они не смогут вернуться в Библиотеку в ближайшее время, Кэролин объяснила другим, что им понадобится американская одежда, чтобы не выделяться. Они согласились, не понимая, и отправились рыться в шкафах миссис Макгилликатти. Дэвид выбрал пачку, потому что она больше всего напоминала его привычную набедренную повязку. Кэролин хотела объяс-

нить, почему в пачке не получится «не выделяться», но потом решила этого не делать. Она научилась ценить любую возможность повеселиться.

Кэролин сморщила нос. Ветер пах гнилью. *Маргарет тоже вернулась?* Но нет, зловоние исходило от Дэвида. Через некоторое время ты перестаешь обращать внимание на такие вещи, однако Кэролин давно здесь не была. Мухи тучами вились вокруг головы Дэвида.

Пару лет назад Дэвид взял привычку выдавливать кровь из сердец своих жертв себе в волосы. Волос у него было много, а из каждого сердца удавалось добыть не больше нескольких столовых ложек крови, но, разумеется, дело спорилось. Со временем волосы и кровь слились в нечто вроде шлема. Однажды Кэролин спросила у Питера, насколько он прочный. Питер, чей каталог включал математику и инженерию, уставился в потолок, размышляя.

— Очень прочный, — сказал он задумчиво. — Свернувшаяся кровь тверже, чем можно подумать, но она хрупкая. Пряди волос должны это исправить. Тот же принцип, что арматура в бетоне. Хм-м. — Наклонившись к блокноту, он набросал несколько чисел, потом кивнул: — Да. Очень прочный. Возможно, способен остановить шестимиллиметровую пулю. А может, даже девятимиллиметровую.

Какое-то время Дэвид также втирал кровь в бороду, но Отец велел ему избавиться от бороды, когда Дэвид стал испытывать трудности с поворачиванием головы. Остались только длинные усы, как у Фу Манчу.

— Где ты был? — требовательно спрашивал Дэвид, тряся Майкла за плечи. Он говорил на пелапи, который не имел ничего общего с английским или каким-либо другим современным языком. — Снова играл в лесу, да? Ты ведь закончил недели назад! Не лги мне!

